

УДК 32.342.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-120-128

РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: СОЧЕТАНИЕ ВНУТРЕННИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ФАКТОРОВ. СОВЕТСКИЙ УРОК ДЛЯ РОССИИ

Ковалев В. А.

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
167000, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются основные противоречия, которые привели к коллапсу Советского Союза. В качестве научной методологии использованы элементы сравнительного исторического анализа. (Образцом может служить подход макросоциолога Р. Коллинза, в свое время предсказавшего советский коллапс.) По мнению автора, распад СССР был вызван, прежде всего, геополитическим напряжением на международной арене и межнациональными противоречиями внутри страны. Дефицит также был неотъемлемой чертой советской экономики. Геополитическое напряжение ослабляет государственный порядок. Исторический опыт распада Российской империи и СССР указывает и на аналогичные опасности в современной ситуации.

Ключевые слова: Распад СССР, крах социализма, коммунизм, геополитическое напряжение, межнациональные противоречия, дефицит продовольствия, революция, опыт истории.

THE DESTRUCTION OF THE STATE: THE COMBINATION OF DOMESTIC AND INTERNATIONAL FACTORS. THE SOVIET LESSON FOR RUSSIA

V. Kovalev

*Syktvykar State University named after P. Sorokin
55, Oktyabr'sky prosp., Syktvykar, 167000 Russian Federation*

Abstract. The article scrutinizes the main contradictions which led to the collapse of the Soviet Union. Elements of comparative historical analysis are used as a scientific methodology. (Macro approach of the sociologist R. Collins, who had predicted the Soviet collapse, can serve as an example). According to the author, the collapse of the USSR was caused, first of all, by geopolitical tension on the international scene and ethnic contradictions within the country. The deficit was the integral line of the Soviet economy. The geopolitical tension weakens the order in the state. Historical experience of the collapse of the Russian Empire and the Soviet Union also points to the danger of analogies in the present situation.

Key words: the collapse of the Soviet Union, the collapse of socialism, communism, geopolitical tension, ethnic conflicts, food shortage, revolution, the experience of history.

Текущие и прогнозируемые проблемы российской внутренней и внешней политики вызывают немало тревог и среди обывателей, и в среде экспертного сообщества. Находятся даже алармисты, предрекающие РФ судьбу Советского Союза. Но даже если отказать от столь крайней позиции, судьба СССР и опыт распада бывшей «сверхдержавы» может быть для нынешней России весьма поучительным.

Произошедший в 1991 г. распад Советского Союза и крах коммунистического эксперимента до сих пор продолжают вызывать яростные споры. Закончился ли советский эксперимент закономерным образом или это был результат случайности, связанный со злокозненными действиями врагов извне и изнутри? Или некая цепь событий привела к распаду «первого в мире социалистического государства»? Нам представляется, что стороны никогда не смогут прийти к какому-то общему ответу и «вместе им не сойтись» не только в силу разницы идеологических позиций, но и представлений, лежащих в их основе, связанных с пониманием природы социализма. Те, кто считает социализм закономерной ступенью исторического развития, более прогрессивным по сравнению с капитализмом и т.д., естественно, будут делать упор на «измене генсека», «происках врагов», то есть в сочетании субъективного фактора, который накладывался на неблагоприятные экономические и внешнеполитические обстоятельства. Писаний подобного рода великое множество и строятся они по схожим схемам [10]. Это име-

ло место, но, даже согласившись с подобным подходом, надо озаботиться вопросом, какие факторы лежали в основе «измен», «погружений в бездну», «диверсий» и т. д.

Когда мы говорим о конце социализма и СССР, следует иметь в виду и аналитически различать два процесса: конец социального строя (попыток построить «коммунизм») и распад государства – Советского Союза. Когда эти два процесса совместились друг с другом, то они вполне могут быть объединены понятием «революции», ведь в современной теории революция понимается именно как распад государства. Но в советском случае этот распад произошел и политически, и географически (или, если угодно, как «геополитическая катастрофа»). Процессы эти были взаимосвязанными, но не тождественными.

Довольно быстрый, по историческим меркам, крах СССР был для большинства неожиданностью, но некоторым аналитикам и ученым удалось его предсказать заранее. Ирония политической и интеллектуальной истории (если так можно выразиться) состоит в том, что неожиданностью капитуляция бывшего врага стала для многих политиков, которые вели с ним борьбу. Это ставит под сомнение стереотипные конспиралогические построения (в духе «это всё придумал Даллес»), а также для подавляющего большинства «профессиональных антикоммунистов» или «транзитологов», которые приближение конца коммунизма в Советском Союзе откровенно проморгали. Действительно, многие ли «тран-

зитологи» или «советологи» смогли предсказать горбачевскую перестройку и ее революционные последствия. Нет, для большинства из них начавшаяся *perestroika* и её результат тоже были сенсацией.

Проводя теоретический «разбор полётов», новосибирский философ Н. Розов нашел автора, чья научная квалификация позволила все это предвидеть. Но это был не политолог, не «транзитолог» и не «кремленолог», а макросоциолог-теоретик Рэндалл Коллинз, знания которого в области исторической социологии и их научная глубина позволили предсказать события конца 1980–90-х гг. в СССР и Восточной Европе [8].

И это действительно так: американского ученого можно поздравить со столь редким для обществоведения результатом – достоверным прогнозом. Сам Р. Коллинз уже позднее провел подробный анализ, связанный с успехом своего прогноза, а также ряда сопутствующих попыток [3]. Работа Коллинза выглядит весьма впечатляюще, особенно по контрасту с авторами, которые стали писать о причинах советского краха только постфактум. Удача данного прогноза, с одной стороны, позволяет говорить о недостаточности только актуального политического анализа и необходимости для политического теоретика опираться на более фундаментальный материал, связанный с историей и культурой, экономикой и антропологией разбираемых «случаев», то есть выходить из цеховой ограниченности к междисциплинарному анализу [2] (глава 2 в этой книге о предсказании распада СССР). Но, с другой стороны, даже подтвержденная и зафиксированная удача Р. Коллинза с

предсказанием краха СССР и основа, на которой этот прогноз был сделан, вызывает определенные вопросы.

Р. Коллинз видит основные причины советского коллапса в непосильном для СССР геополитическом напряжении. Сформулировав пять основных геополитических принципов (причем пятый принцип выглядит так: «Чрезмерное расширение приводит к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции» [3, с. 241]), американский теоретик за несколько лет до советского краха приходит к выводу о том, что СССР «надрывается» и проигрывает соревнование с Западом, обладая в разы меньшими ресурсами и возможностями для их мобилизации. Сам Коллинз пишет: «В моей собственной версии связи между геополитическими принципами и государственным распадом упор делается на механизме легитимности» [3, с. 249]. Перенапряжение в связи с гонкой вооружений, конфликтом в Афганистане и пр. привели к власти фракцию Горбачева, он начал реформы, но они не оправдали надежд. Тогда: «С углублением структурного кризиса и поражением Горбачева во внутри-элитном конфликте он был внезапно делегитимизирован; в свою очередь, его личное падение дслегитимизировало весь режим [3, с. 258].

Как добросовестный ученый, Коллинз разбирает и другие прогнозы краха Советского Союза. Среди них особенно выделяется сценарий «этнического восстания», которое было сделано Элен Каррер д'Анкосс (d'Encaussc). По словам Коллинза, предсказание Каррер д'Анкосс «было основано на эмпирической экстраполяции. Д'Анкосс просчитала демо-

графические тенденции для русских и других народностей Советского Союза и пришла к выводу, что империя распадется в XXI в., когда нерусские национальности составят большинство [3, с. 260]. Здесь, как это ни парадоксально, не сбывшийся в точности прогноз д'Анкосс, представляется нам более верным, нежели предсказание Коллинза, скоростью воплощения которого он сам был удивлен. Конечно, Коллинз прав в том, что этническая лояльность (и даже стремление записаться в ту или иную нацию) зависит от легитимности центральной власти и в случае неудач резко ослабевает. Но при этом неудачные действия Горбачева на мировой арене именно в 1980-е гг. представляются все же субъективно и случайно обусловленными («так совпало!»), тогда как фактор роста межэтнической напряженности в силу изменения демографического баланса сказывался все сильнее и, если отбросить интернационалистскую демагогию о «дружбе народов», имел понятный финал. Да и в реальной истории распад СССР был связан именно с дезинтеграцией союзных и республик, с которыми Москва не смогла справиться. Дабы пояснить эту мысль, можно прибегнуть к циничному сравнению судьбы «Союза нерушимого» с гибелью безнадежного онкологического больного в автокатастрофе.

Так или иначе, но СССР закончил свои дни и в силу сочетания геополитического напряжения и внутренних межэтнических противоречий, которые при ослаблении центральной власти становились для нее *неразрешимыми*. (К примеру, уже в 1988 г. перед Москвой встал вопрос, кого поддерживать в конфликте за Нагорный Карабах

– и любое решение вело к возмущению в одной из «союзных» республик.) Но в 1991 г. произошел, по сути, революционный распад СССР не только как государства «*союзного*», но и как «*советского*» и «*социалистического*».

Если Р. Коллинз, как сторонний наблюдатель, делает упор на причинах краха страны, представлявшей угрозу для США с точки зрения международной (гео)политики, то для нас гораздо более важным могут представляться внутренние причины советского коллапса. При этом у американского макросоциолога вполне уместным представляется позаимствовать взгляд на этот крах в перспективе «социологии большой длительности», а не только в масштабе нескольких месяцев или лет, когда СССР и советский социализм подверглись непосредственному распаду.

При этом конфликты в политбюро или митинги с требованием отмены статьи о власти КПСС – это лишь конечное выражение неких глубинных противоречий советского (социалистического) строя, которые можно понять, лишь обратившись к его зарождению и дальнейшему генезису. Такой подход, кстати, весьма грамотно демонстрирует уральский историк С. А. Нефедов, разработки которого нам представляются наиболее интересными и адекватными в попытках выяснить причины российских Смут начала и конца XX в. (в силу ограниченности объема доклада мы вынуждены опустить значительную часть важной для нас литературы на эту тему). Еще пятнадцать лет назад С. Нефедов (в соавторстве) опубликовал важную статью, где доказывалось: «Кризис СССР имел комплексный

характер, и социалистическое общество подвергалось мощному давлению разнородных сил. Но, как показывает опыт истории, даже одного из этих факторов – демографического – было, в принципе, достаточно, чтобы разрушить Советский Союз как социалистическое государство» [1, с. 76]. То есть гибель СССР объяснялась преимущественно в духе неомальтузианского подхода (конечно, в сочетании с другими теориями). Дефицит, а особенно продовольственный, – это неотъемлемый спутник социализма [4] как системы всеобъемлющего государственного регулирования.

Признаться, мы с настороженностью относимся к утверждениям типа «революция – это заслуга (вина) революционеров» и т.п. Было бы слишком наивно рассматривать уничтожение Союза и социализма *только* как победу каких-то его определенных врагов. (Аналогии напрашиваются и в случае с Российской империей.) Организованные антикоммунистические силы были уничтожены в ходе Второй мировой войны (тем самым, с Гражданской войной как вооруженным противостоянием было в основном покончено); были вытеснены за границу или оказались в ГУЛАГе. К началу перестройки даже слабые группы диссидентов были разгромлены и деморализованы. Но не они являлись могильщиками советского коммунизма (что, кстати, определило сомнительный и неустойчивый характер постперестроечных экономических и политических реформ, особенно по контрасту с Восточной Европой, в странах которой существовала реальная организованная оппозиция). Как ни наивно это звучит, тем более на фоне изоциренных

аналитических и конспирологических схем, но широко разлитое недовольство «советской властью» постоянно питалось дефицитом питания. Еды не хватало, и руководство, опасаясь продовольственных волнений, форсировало хлебные закупки за рубежом, что порождало зависимость от Запада, а неблагоприятные колебания экономической конъюнктуры вели как к внешнеполитическим (сдача переговорных позиций), так и внутренним (неуклюжие попытки разрушающих советский строй реформ) последствиям. Как человеку, жившему в СССР, автору этих строк такой подход представляется наиболее близким, интуитивно понятным и верным. Субъективно, у меня, в отличие от многих сограждан, охваченных ностальгией по «совку», среди воспоминаний о молодости сохраняется и память о том, как с детства приходилось ездить «в колхоз», собирать под дождем картошку и морковь или сажать ёлочки (хвойная мука шла на корм скоту – бедные колхозные коровы!). Но все эти усилия никак не отменяли пустых полок и очередей в магазинах.

Как пишут цитированные нами авторы: «В конечном счете, аграрный кризис привел к социальной революции и возникновению Советского Союза. Демографическая подоплека этого социального взрыва была ясна уже современникам» [1, с. 72]. В своем варианте истории России С. Н. Нефедов доказывает этот тезис большим количеством статистических данных и исторических свидетельств [6]. Во-вторых, в попытке методами государственного («социалистического») регулирования справиться с последствиями нехватки еды, нет ничего принципиального

нового – это много раз повторялось в разные эпохи и в разных странах. Как правило, это приводило к всеохватному государственному контролю и дальнейшему ухудшению экономической ситуации. Трагический опыт «первого в мире социалистического государства» был, разумеется, далеко не первым (и не последним), и отличался он других опытов подобного рода разве что огромностью своих масштабов и степенью эсхатологического напряжения в настроениях масс в период своего возникновения. Но в целом советский эксперимент объясняется не Марксом, а Мальтусом. «Когда политическое неудовольствие присоединяется к воплям, вызванным голодом, когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и насилий, которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом», – писал автор «Опыта закона о народонаселении» [5, с. 93]. Разумеется, споры с убежденными марксистами тут практически бесполезны.

Но уже в первые годы коммунистических экспериментов в России существовали важные свидетельства верности такого подхода. Мы, к примеру, имеем в виду чудом сохранившийся текст знаменитого русско-американского социолога Питирима Сорокина «Голод как фактор». Исследователь голода пишет с натуры: «следствием как войны, так и революции оказывается милитаризация, централизация и «военная коммунизация» общества, т.е. тот же принудительный этатизм» [9, с. 342].

Все это смыкалось с ростом геополитического напряжения, которое,

если принять точку зрения Р. Коллинза, и погубило СССР как государство. А разве Российскую империю погубило не «геополитическое напряжение», связанное с Великой войной 1914–1918 гг., а ранее, разве не неудачная война с Японией была прологом к первой русской революции?

Здесь помимо взгляда в российское будущее с его весьма тревожными перспективами (на фоне вмешательства в чужие военные конфликты, прощение миллиардных долгов, попытками сотрудничества с самыми экономически отсталыми странами и дикими авторитарными режимами), уместен и взгляд в прошлое. Так, в минувшем году исполнилось уже сто лет российской революции 1917 года, но однозначности в ее оценках и объяснении причин не было и нет (опять аналогия с «перестройкой»), хотя колоссального влияния, которое оказало это событие на отечественную историю, никто не отрицает.

Так, по мнению представителя нынешнего официоза, в оценках событий вековой давности существует раскол между «пессимистами» и «оптимистами»: «Пессимисты полагают, что предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, ее социально-экономическая и политическая структура была безнадежно устарелой и неререформируемой, старая власть – недееспособной. Огромное общественное неравенство усугубляло проблему бедности, народные массы нищали. Первая мировая война стала последним толчком, который способствовал низвержению наскавшего прогнившего режима. Оптимисты же уверены, что строй поздней имперской России после Великих реформ 1860–

1870-х гг. и преобразований 1905–1906 гг. обеспечивал хорошие условия для поступательного развития страны на основе частной собственности, рыночной экономики и формирующихся основ гражданского общества. Революция стала следствием случайных событий, к которым относилась, в первую очередь, мировая война. Нельзя не заметить, что пессимистические взгляды более характерны для представителей левой и либеральной политической мысли, а оптимистические — для авторов консервативной, правой и националистической ориентации. Впрочем, есть множество исключений, и не всегда идеология ведет автора за собой [7, с. 14–15].

Но помимо неразрешимости, проблема также отличается «необозримостью». Библиография, посвященная проблематике революций, в том числе русских, попросту неисчерпаема и не подлжит даже краткому охвату в отдельной статье. Чтобы не отвлекаться на этот вопрос дальше, укажем, что, по мнению автора, весьма серьезных результатов в объяснении феномена революции добилась Теда Скокпол

[11], хотя ее теория и нуждается в существенной корректировке и уточнениях.

Исходя из этого, мы и позволили себе здесь предположить, что «геополитическое напряжение» в сложных экономических условиях может существовать и после того, как социалистический эксперимент в его марксистско-ленинском изводе вроде бы закончился. Это еще раз доказывает то, что социалистический «принудительный этатизм» гораздо шире опыта «коммунистического строительства» и может продолжаться и после формального отказа от марксистско-ленинской догмы. Этот принудительный этатизм вновь и вновь провоцирует милитаризацию и/или «секьютиризацию» общества. Реализация принципа «пушки вместо масла», в свою очередь, снова провоцирует «геополитическое напряжение», чреватое опасными последствиями. Все это заставляет считать, что изучение опыта распада СССР (как и ранее Российской империи) актуально не только в исторической плоскости.

Статья поступила в редакцию 31.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. В., Нефёдов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 66–77.
2. Коллинз Р. *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
3. Коллинз Р. *Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса* // *Время мира : альманах*. Вып. 1. Новосибирск: Новый хронограф, 2000. С. 234–278.
4. Корнаи Я. *Дефицит*. М.: Наука, 1990. 607 с.
5. Мальтус Т. *Опыт закона о народонаселении*. М.: Издательство М. Н. Прокоповича, 1908. 180 с.
6. Нефедов С.Н. *История России. Факторный анализ : в 2 т. Т. 2: От окончания Смуты до Февральской революции*. М.: Территория будущего, 2011. 688 с.
7. Никонов В. *Крушение России*. М.: АСТ, Астрель, 2011. 926 с.
8. Розов Н. С. *Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и контекст российской политики* // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6. С. 126–141.

9. Сорокин П. А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: Анбур, 2014. 496 с.
10. Фроянов И. Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб.: СПбГУ, 1999. 800 с.
11. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 407 p.

REFERENCES

1. Alekseev V. V., Nefedov S. A. [The death of the Soviet Union in the context of the history of world socialism]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2002, no. 6, pp. 66–77.
2. Kollinz R. *Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in sociology of the long duration]. M.: URSS, LENAND Publ., 2015. 504 p.
3. Kollinz R. [Predictions in macrosociology: the case of the Soviet collapse]. In: *Vremya mira. Almanakh. Vyp. 1* [World time: almanac. Issue 1]. Novosibirsk, 2000, pp. 234–278.
4. Kornai Ya. *Defitsit* [The deficit]. Moscow, Science Publ., 1990. 607 p.
5. Mal'tus T. *Opyt zakona o narodonaselenii* [The experience of the law on population]. Moscow, Publishing house of M. N. Prokopovich, 1908. 180 p.
6. Nefedov S.N. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz : v 2 t. T. 2: Ot okonchaniya Smuty do Fevral'skoi revolyutsii* [The History of Russia. Factor analysis : in 2 vol. Vol. 2: From the end of the Distemper till the February revolution]. Moscow, Territory of the future Publ., 2011. 688 p.
7. Nikonov V. *Krushenie Rossii* [The Collapse of Russia]. Moscow, ACT, Astrel' Publ., 2011. 926 p.
8. Rozov N. S. [Randall Collins's theory of historical dynamics and the context of Russian politics]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 2012, no. 6, pp. 126–141.
9. Sorokin P. A. *Golod kak faktor: vliyanie goloda na povedenie lyudei, sotsial'nyuyu organizatsiyu i obshchestvennyuyu zhizn'* [Hunger as a factor: the influence of hunger on human behavior, social organization and social life]. Syktyvkar, Anbur Publ., 2014. 496 p.
10. Froyanov I. Ya. *Pogruzhenie v bezdnu (Rossiya na iskhode XX veka)* [Sinking into the abyss (Russia at the turn of the century)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1999. 800 p.
11. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 407 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковалев Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина;
e-mail: Vant_2000@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor A. Kovalev – doctor of political Sciences, professor of the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Syktyvkar State University n.a. P. Sorokin;
e-mail: Vant_2000@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ковалев В. А. Разрушение государства: сочетание внутренних и международных факторов. Советский урок для России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 120–128.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-120-128

FOR CITATION

Kovalev V.A. The destruction of the state: the combination of domestic and international factors. The Soviet lesson for Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 120–128.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-120-128